

слышится, то съкровено есть», Федор отвечает: «В житии святого Антония поведается, варяжский поклажай есть, понеже съсуди латиньстии суть. И сего ради Варяжская пещера зовется и доныне» (стр. 119). Первыми жителями этой пещеры были варяги, вместе с Шимоном сменившие «латиньскую буюсть» на православие. Предание о построении главной церкви в монастыре вспоминает о золоте, пожертвованном Шимоном на храм (стр. 3—5). Видимо, отсюда пошли слухи, что варяги, среди которых были и богатые люди, закопали в своей пещере клад, его-то и нашел Федор. Таким образом, какая-то реальная основа у рассказа о находке Федора существовала.²⁷ Потому, возможно, слухам о закопанном снова Федором кладе так легко поверили и боярин, и князь, о чем повествует последняя часть рассказа (конечно, слух этот приносит боярину опять дьявол в обличье инока Василия, из-за чего допросу и пыткам подвергнутся оба старика-иноки). Описание этого допроса снова уводит нас от прямой «житийной» темы и дает неприкрашенную картину произвола и жестокости властей (см. об этой части рассказа стр. 61).

В рассказе о Федоре и Василии рядом с выдержанным в агиографическом стиле образом «совершеннейшего» инока Василия, который сам не отступает от монашеских обетов и других наставляет, выведен ярко окрашенный индивидуальными чертами, далекий от «обобщенного воплощения святости» инок Федор. Это слабовольный человек, легко поддающийся влиянию, колеблющийся между избранным им путем подвижничества и соблазнами мирской жизни. Он ищет оправдания этим колебаниям, уже готов порвать с монастырем, но снова подчиняется сильному своей стойкостью Василию. Перелом дается ему трудно, и лишь окончательно порвав с мыслями о мирской жизни, он становится «житийным»: получает дар чудотворения (власть над бесами).

Религиозная оболочка этой легенды не скрывает умения автора убедительно передать читателю свои наблюдения над сложными противоречивыми переживаниями человека, познакомить с той обстановкой, в какой протекала жизнь старцев.

4

Легенды о «черноризцах печерских» показывают своих главных героев в самом разнообразном окружении. Способ характеристики этих второстепенных персонажей также заслуживает внимания.

Феодалному классу эти легенды не польстили. В нескольких рассказах в весьма неприглядном виде появляются князья. «Этикетных», «геральдических» портретов князей, близких к прославлению, эти легенды не знают совсем. В отличие от летописного стиля «монументального историзма», где «подданный пишет о своем князе как подданный»,²⁸ наделяя его лучшими качествами, жития Киево-Печерского патерика показывают этого князя в его повседневном поведении, не скрывая ни его неблагоприятных поступков, ни порождающих эти поступки столь же непохвальных «помыслов» и настроений.

Князь Ростислав Всеволодич со своими «отроками» перед походом на половцев шел за благословением в Печерский монастырь. На берегу Днепра под монастырем он встретил старца Григория. Отроки начали «ругаться» старца, «метающе словеса срамнаа». Григорий предсказал им всем вместе с князем смерть «в воде». Разгневанный этим предсказанием,

²⁷ Среди помет, сделанных М. В. Ломоносовым на полях рукописи Киево-Печерского патерика, слова «латиньстии сосуди» выписаны его рукой, видимо, как реалия (сообщено Г. Н. Моисеевой).

²⁸ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 65—66.